

18+

ОКОПНАЯ ТЬМА

Николай Седой

Николай Седой

Окопная тьма

«Издательские решения»

Седой Н.

Окопная тьма / Н. Седой — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-682708-0

«Окопная тьма» — роман о войне, где врагом становится не только человек. Доброволец Виктор Арский и его товарищи на фронте сталкиваются не только с пулями, но и с древним злом, питающимся страхом и смертью. Ночные кошмары, тени в лесу, следы когтей на телах бойцов — всё это лишь начало. Чтобы выжить, им придётся сражаться не только за позиции, но и за свои души.

ISBN 978-5-00-682708-0

© Седой Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Знакомство в ночи	6
Глава 2. Утро в пути	8
Глава 3. Полевой лагерь	10
Глава 4. Первое задание	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Окопная тьма

Николай Седой

© Николай Седой, 2025

ISBN 978-5-0068-2708-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Знакомство в ночи

Виктору снова снился странный сон. Он стоял посреди родного уральского поля, но поле было каким-то чужим: трава тёмная, будто пропитанная ночной влагой, колосья – вялые и неживые. Ветер гнал облака по чёрному небу, и луна то пряталась, то вспыхивала серебром, освещая одинокую избу.

Ставни скрипели, словно кто-то пытался открыть их снаружи. В окне мелькнула тень – высокая, вытянутая, не похожая на человека. Виктор шагнул к двери, сердце билось так сильно, что отдавалось в висках.

Он вышел во двор. Воздух пах сыростью и гнилью, земля под ногами будто дышала. В поле стояла фигура – не человек, а пустота, очертания которой дрожали в лунном свете. У неё не было лица. Только бездонная чёрная впадина, обращённая прямо к нему.

Тень двинулась. Виктор закричал – и проснулся.

Гул колёс поезда гулко отдавался в стенах вагона. Воздух был тяжёлым: смесь табака, дешёвого спирта и мокрой шинели. Сквозь грязные окна тянулись тёмные силуэты деревьев, редкие огоньки деревень, поля, заваленные жухлой травой. Осень дышала холодом – ещё не мороз, но уже влажный холодок, пробирающийся до костей.

Виктор рывком сел на своей полке, с трудом переводя дыхание. Кошмар отпустил не сразу. Он провёл рукой по лицу, чувствуя липкий пот.

– Ты чего так орёшь, будто сам чёрта увидел? – раздался насмешливый голос сбоку.

На соседней полке сидел худой парень в форме. Щуплый, с длинной шеей, испещрённой татуировками – какие-то латинские фразы, кресты, буквы. Лицо улыбалось, но глаза были внимательные.

– Сон... кошмар, – пробормотал Виктор.

– Ну, это дело знакомое, – кивнул парень. – Даже апостолы, говорят, по ночам не всегда мирно спали. В Писании так и сказано: «Не убоишься страха ночного...» – это Псалтирь, девяностый. – Он хитро прищурился. – А я иной раз так шарахаюсь от своих снов, что думаю: ну всё, волосы седыми станут.

Он протянул руку:

– Костя. Можешь просто звать батюшкой, можешь – по имени. Всё равно скоро вместе в одном котле вариться будем.

Виктор пожал ладонь. Лёд в груди немного отступил.

– Виктор.

– Вот и славно, Виктор, – ухмыльнулся Костя. – А то ехать-то далеко. Глядишь, разговором скоротаем.

Вагон был набит под завязку. Кто-то спал, уткнувшись в вещмешок. Кто-то в карты резался прямо на верхней полке. Из угла доносился тихий разговор – обсуждали, куда именно их везут.

Виктор поймал себя на том, что прислушивается к этим голосам.

– Говорят, в том лесу, куда нас, – кто-то шепнул. – В сорок третьем там целый батальон пропал.

– Да ну, – отмахнулся другой. – В штабе бы знали.

– В штабе-то всё знают, – вмешался третий. – Только нам-то рассказывать зачем?

Виктор невольно напрягся. Эти слова странно перекликались с его сном.

Ночь тянулась медленно. За окном мелькали редкие костры в полях, брошенные деревни с покосившимися крышами. Иногда поезд нырял в лес, и тогда в окне отражались только их лица, усталые и чужие.

Костя говорил легко, даже балагурно: про богатого отца, который выгнал его в монастырь, про наркоту и разгулы, про то, как оказался священником. Он рассказывал это так, словно шутил над самим собой. Виктор сначала слушал настороженно, но постепенно понял: в его словах есть искренность.

В ответ Виктор нехотя поделился о себе: про деревню на Урале, про бабушку, которая его растила, про то, как пахнет свежескошенное сено и как тяжело тянется жизнь тракториста.

– Умерла она недавно, – тихо сказал Виктор, опустив глаза. – Вот и... пошёл добровольцем.

Костя не перебил, не стал шутить. Только кивнул и перекрестился.

К утру вагон стих. Большинство бойцов спали, кто-то тихо ворочался, кто-то разговаривал во сне. Поезд грохотал по рельсам, где-то вдали завыл тепловоз.

Виктор лежал на полке, слушая этот ритм. Костя, устроившийся рядом, пробормотал:

– Знаешь, брат... Иногда война – не только люди против людей. Иногда это что-то большее.

Виктор нахмурился:

– Ты о чём?

Костя хитро усмехнулся:

– Да так... В монастыре старики говорили: «Война тянет к себе нечистое». Где кровь льётся, там тень собирается.

Он перевернулся на другой бок и мгновенно уснул.

А Виктор ещё долго смотрел в потолок, слушая гул рельс. Слова Кости эхом отозвались в памяти, будто подхватили его ночной кошмар и сделали его ещё реальнее.

Утро они встретили уже другими. Не друзьями, но и не чужими. Виктор впервые за долгое время почувствовал – рядом есть человек, которому можно довериться. Хоть немного. Хоть в этой длинной дороге в неизвестность.

Глава 2. Утро в пути

Проснулся Виктор от привычного грохота рельс. Но теперь этот звук был уже не глухим ночным гулом, а утренним, резким, словно поезд торопился, унося их дальше и дальше от привычной жизни.

Вагон тянулся долгим коридором чужих лиц и запахов. Спёртый воздух, перегретый телами, и горечь табака висели над полками. Кто-то тихо храпел, кто-то бормотал во сне, кто-то уже сидел, опершись локтями на колени и тупо глядя в пол.

Кости на месте не было. Зато его вещи лежали разбросанными по лавке и полу: куртка, рюкзак, ботинки и аккуратно сложенный ремень. Виктор с тихим вздохом поднялся.

В конце вагона, у узкого умывальника, висело мутное зеркало. Его поверхность была покрыта пятнами и трещинами, словно отражение пыталось вырваться наружу, но застряло. Виктор опустил руки в ледяную воду, с трудом оттер лицо от сна. На него глянул обычный парень: высокий, худощавый, с усталыми глазами цвета мокрой земли. Лицо казалось заурядным, но взгляд был внимательный, будто всегда чего-то ждал.

Он вспомнил бабушкины слова: «Куда ночь – туда и сон». Сказал их вслух, шёпотом, и почему-то стало легче.

Возвращаясь по проходу, он заметил, что за окном мир изменился. Осень вступала в свои права: поля подёрнуты инеем, серые деревни с покосившимися крышами мелькали, как призраки. Вдалеке синел лес, над которым тянулся лёгкий туман. Где-то паслись чёрные вороны, копошась на пашне.

У своей полки Виктор остановился. Костя уже был там, развалившись с хитрой ухмылкой, рядом с ним сидел новый человек.

Это был мужчина лет тридцати пяти, плечистый, крепкий, с суровым лицом. Его форма сидела безукоризненно, ремень застёгнут, воротник аккуратно. Даже в поезде он выглядел так, будто только что вышел на построение.

– Твои вещи, – сказал он низким строгим голосом, кивая на куртку и рубаху, валяющиеся на полу. – Так не оставляют. Ты ведь не дома. Здесь порядок нужен.

Костя лениво потянулся, словно только этого и ждал:

– Ох уж этот порядок... Я вчера с ним в карты играл. Он проиграл и ушёл.

Виктор усмехнулся, но незнакомец не оценил шутки.

– Не смешно. Сначала штаны на полу, потом автомат потеряешь.

– Автомат я пока никому не проигрывал, – весело парировал Костя. – А то, что ночью в трусах к умывальнику ходил – ну извини, брат, святую воду нужно было срочно принять.

– Святую воду? – незнакомец скривился. – Ты бы хоть вёл себя как человек, а не как мальчишка.

Костя хитро подмигнул Виктору и наклонился вперёд:

– Вообще-то я – священник.

Мужчина дернулся, недоверчиво смерив его взглядом.

– Ты? Священник? Не похоже.

– А я и не обязан быть похожим, – спокойно ответил Костя. – Бог в сердце, а не на физиономии.

– На фронте, – отрезал незнакомец, – надеяться можно только на оружие и товарища. А молитвы... оставь для сказочников.

Костя прищурился и тихо, почти шёпотом, сказал:

– «Не убоишься страха ночного...» – это Псалтирь, девяностый. Даже если ты не веришь в Бога, это не значит, что Он не верит в тебя.

Повисла тяжёлая пауза. Виктор сидел молча, наблюдая, как два таких разных человека – лёгкий Костя и суровый незнакомец – смотрят друг другу в глаза.

В этот момент в вагон вошёл высокий худой офицер. Его длинные тёмные волосы были зачёсаны назад, а холодный взгляд сразу заставил всех вытянуться. На форме значилось: старший лейтенант Демидов.

– Рядовой Рогов! – резко бросил он.

Незнакомец мгновенно выпрямился. Виктор узнал фамилию. Герман Рогов.

– Что здесь происходит? – спросил Демидов ровным, но стальным голосом. – Кто бы ни был прав, за такие сцены я сгною вас всех троих. Поняли?

Воздух в вагоне стал ледяным. Рогов молча ушёл на своё место. Костя даже не попытался шутить. Виктор почувствовал, как в груди сжалось что-то неприятное: этот офицер внушал холод, похожий на тот, что он видел в своём сне.

Когда напряжение спало, Костя и Виктор снова оказались рядом.

– «Не судите, да не судимы будете», – пробормотал Костя, улыбнувшись. – Евангелие от Матфея, глава седьмая.

Виктор усмехнулся:

– Батюшка, а сам при этом материшься иногда.

– Слова можно, – подмигнул Костя. – Душа-то чиста.

Поезд трясся, за окнами тянулись бесконечные поля и леса. Вдалеке, за линией горизонта, висел густой осенний туман, в котором всё терялось.

Виктор смотрел в это белое марево и не мог отделаться от чувства: именно туда, в этот туман, их и везут.

Глава 3. Полевой лагерь

Большие армейские «Уралы» тряслись на ухабах, пробираясь по лесной дороге. Солдаты в кузове держались за борта, переговаривались сквозь гул моторов. Лес был густым, с жёлтыми и багряными кронами, листья срывал ветер и бросал прямо в лица. Осень вступала в свои права – резкая, холодная, с запахом сырой земли и гниющей листвы.

– Ну что, Витя, – склонился Костя, едва перекрикивая грохот, – скажи честно, раньше на таких каруселях катался?

– Каких ещё каруселях? – не понял Виктор.

– Да вот же, – Костя постучал кулаком по борту грузовика. – В детстве за деньги, а теперь бесплатно. Только билет – повестка.

Бойцы засмеялись. Даже угрюмый Лёша, сидевший напротив, улыбнулся краем губ.

Колонна везла их долго. За окном мелькали перелески, болотца, покосившиеся избышки, в которых давно никто не жил. Чем дальше уезжали, тем меньше становилось деревень, тем чаще попадались покинутые дома с пустыми окнами.

Когда они въехали на поляну среди сосен, лагерь показался им чем-то нереальным. Между деревьями были вырыты землянки, маскировочные сети свисали, костры дымились тонкими струйками. Воздух пах гарью и хвоей.

Их землянка оказалась огромной, на пятьдесят человек. Длинные нары в три яруса, земляной пол, сырость, тусклая лампа под потолком. Стены были подбиты досками, но из щелей тянуло холодом.

Витя и Костя заняли койки у выхода. Костя сразу бросил вещмешок и плюхнулся, с довольным видом растянувшись на досках. Виктор сел рядом и стал оглядываться.

Кто-то развешивал гимнастёрку сушиться прямо на гвоздях. Лёша громко жаловался, что сапоги не успели просохнуть после дождя. Гриша молча тащил ящик с боеприпасами, будто тот весил для него не больше ведёрца. Арсен спорил с кем-то у костра, жестикулируя так, будто собирался ударить. Серёга без толку пытался завязать узлом верёвку, и ребята вокруг подшучивали над ним.

Быт был грубый и тесный, но в нём чувствовалось что-то домашнее. Каждый занимался делом, и из хаоса складывалась единая жизнь.

Будни быстро приняли свой ритм. Утро – короткий сон, окрик дежурного, умывание в ледяной воде из умывальника. Завтрак – каша и чай в жестяных кружках. Днём – бег, переноска ящиков, тренировки с автоматами. Вечером – короткий отдых, костёр, разговоры.

Виктор начал привыкать, хотя всё в нём сопротивлялось. По ночам он лежал на верхней полке и слушал, как скрипят бревна землянки, как ветер гуляет в щелях, как где-то за лагерем воеет собака или стонет дерево. Иногда казалось, что в лесу кто-то ходит.

Однажды ночью он толкнул Костю в бок:

– Слышишь?

Костя приподнялся, сонный:

– Что?

– Шаги... будто кто-то рядом.

Они оба прислушались. Ветер стих. Снаружи действительно было слышно: шорохи, будто кто-то осторожно ходил между сосен. Виктор сжал кулаки. Но через пару минут всё смолкло.

– Ветер, – пробормотал Костя и снова лёг. Но глаза его блестели в темноте: он тоже слышал.

Через несколько дней их построили на плацу. Земля была утоптана сапогами, воздух холодный, резкий. Перед ними стоял старший лейтенант Демидов. Высокий, сухощавый, с холодным взглядом и длинными тёмными волосами, зачёсанными назад.

– Слушать сюда, – сказал он ровным, но жёстким голосом. – Обстановка на данный момент спокойная. Но противник рядом. В любой момент может быть атака. Ваша задача – удержать позиции. Здесь не школа и не лагерь отдыха. Ошибки не прощаются.

Его взгляд прошёлся по каждому, словно насквозь. Никто не шутил, даже Костя только молча поправил ремень.

– Чем быстрее привыкнете к дисциплине, тем больше шансов, что вернётесь домой, – закончил Демидов.

Тишина стояла тяжёлая. Ветер гнал жёлтые листья по плацу, они цеплялись за сапоги бойцов.

Виктор смотрел на лица вокруг. У каждого было своё выражение: у Лёши – тревожно-весёлое, у Гриши – каменное, у Арсена – упрямое. И где-то в глубине он чувствовал, что эта жизнь – только начало. Что впереди будет страшнее.

Вечером, сидя у костра, Костя снова пошутил:

– Ну что, Витя, похоже, мы в санаторий попали. И воздух свежий, и еда вкусная.

Ребята засмеялись. Но Виктор заметил, что Герман Рогов, сидевший в стороне, не улыбался. Он глядел в лес, будто что-то высматривал.

И в тот момент, когда костёр потрескивал особенно громко, Виктору показалось – между соснами промелькнула тень. Высокая, вытянутая. Точно такая, как в его сне.

Он резко повернул голову. Но там был только туман.

Глава 4. Первое задание

Ночь была густой и липкой, словно сама земля выдыхала тьму. Осень вступала в свои последние дни: ветер гнал низкие тучи, луна то показывалась, то снова скрывалась, оставляя мир в полной темноте.

– Подъём! – голос дежурного ворвался в землянку, как выстрел.

Бойцы вскакивали, торопливо натягивали сапоги и шинели. Костя сонно матерился, Герман молча проверял автомат, щёлкая затвором с привычной суровостью. Виктор натягивал ремень, чувствуя, как сердце бьётся в груди. Это было их первое задание.

– Что скажешь, Витя? – шепнул Костя, подтягивая сапоги. – В монастыре таких ночей не бывало, скажу честно.

– Не бывало, – тихо ответил Виктор, и сам не понял, что сказал.

Их вывели на плац, где в темноте уже стоял Демидов. Его вытянутая фигура сливалась с ночью, и только глаза поблёскивали холодным светом.

– Задача проста, – сказал он тихо, но так, что слова будто резали воздух. – Занять позиции у опушки, проверить укрепления. Наблюдать. Без самодеятельности.

– А если... враг? – неуверенно спросил кто-то из бойцов.

– Значит, держите линию, – отрезал Демидов. – Ошибок быть не должно.

Он развернулся и ушёл в темноту, словно растворился в ней.

По лесу они двигались цепочкой. Листва шуршала под сапогами, ветви царапали лица. В темноте всё казалось ближе, чем было на самом деле: стволы сосен будто сдвигались, кусты превращались в фигуры.

Виктор шёл рядом с Костей и Германом. У каждого был свой ритм дыхания: Костя – частый и неровный, Герман – размеренный, как у человека, привыкшего к войне. Виктор ловил себя на том, что старается подстроиться под их шаги, чтобы не чувствовать себя одиноким.

– Ну и картина, – пробормотал Костя. – Осень, лес, ночь, оружие в руках. Романтика.

– Заткнись, – рявкнул Герман.

– А что? – шепнул Костя. – Может, мы потом книжку про это напишем. «Как я стал героем и попутно спас Россию».

– Героя из тебя сделает только могила, если будешь языком трепать, – холодно бросил Герман.

Виктор хотел было вмешаться, но в этот момент впереди раздался резкий свист – сигнал остановиться.

Окопы показались из темноты внезапно. Неглубокие, сырые, пахнущие землёй и глиной. Их быстро распределили: Виктор, Костя и Герман оказались в одном.

Сначала тишина. Только ветер шевелил ветви.

Потом – далёкие звуки. Будто кто-то ходил по лесу. Шаги? Или просто ломались ветки от ветра? Виктор напрягся, вглядываясь в туман.

– Слышишь? – прошептал он Косте.

Костя кивнул, но вскинул руки, показывая: «Не шуметь». Герман только плотнее вжал приклад в плечо.

И тут Виктор увидел.

Между деревьев что-то двигалось. Высокая фигура, будто сотканная из самой тьмы. Ни лица, ни черт – только силуэт. Она стояла на границе леса и поля, не двигаясь.

– Там... – Виктор сглотнул. – Смотри!

– Где? – Герман навёл автомат. – Я никого не вижу.
Но Костя видел. Он сжал крестик на груди и прошептал:
– «Не убоишься от стрелы летящей во дни, от вещи во тьме преходящей...»
Тень двинулась.

И именно в этот момент раздался звук, который не спутать ни с чем: очередь из автомата. Где-то справа заговорили пулемёты, крики, команды.

– Контакт! – рявкнул Герман.

Они открыли огонь в сторону леса. Ветер унёс дым от выстрелов, лес загудел, как живая тварь. Виктор стрелял, не видя, куда именно. Но ему казалось: среди деревьев мелькает то самое – тёмная, вытянутая фигура.

Крики бойцов сливались с рёвом ветра. В воздухе пахло порохом и сырой листвой.

В какой-то момент Виктор понял, что тень исчезла. Но страх не ушёл – напротив, стал сильнее.

Через час стрельба стихла. Противник отступил. По цепочке прошёл приказ возвращаться.

Виктор сидел в окопе, сжимая автомат. Руки дрожали. Костя рядом пытался улыбнуться, но лицо его было бледным. Герман проверял магазин, делая вид, что ничего не произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.